

ДОПРОС

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА
ДЕНИКИНА

Началось

Окончилось

На *листах*

Текст: Андрей Ганин, доктор исторических наук

ДОСТОЯНИЕМ «РОДИНЫ» СТАЛИ НЕИЗВЕСТНЫЕ В РОССИИ МАТЕРИАЛЫ СЛЕДСТВИЯ ПО «ДЕЛУ ГЕНЕРАЛА Л.Г. КОРНИЛОВА» (АВГУСТ-НОЯБРЬ 1917 ГОДА). ПУБЛИКУЮТСЯ ВПЕРВЫЕ

В

В 2003 году увидел свет двухтомный сборник документов «Дело генерала Л.Г. Корнилова». Но никто не обратил внимания на то, что в нем отсутствовали материалы с Юго-Западного фронта. Обозреватель «Родины» обнаружил их — более 1000 листов! — в Бахметевском архиве русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета в Нью-Йорке (BAR).

Багаж следователя фон Раупаха

Постановления, телеграммы, переписка¹, собственноручные показания десятков участников и очевидцев трагических событий корниловского мятежа. Без малого 100 лет «Дело о событиях 27 и 28 августа 1917 года в городе Бердичеве», вывезенное в эмиграцию следователем Р.Р. фон Раупахом, ждало исследователей...

Мы публикуем с небольшими сокращениями показания главного фигуранта по «делу» — генерала Антона Деникина, в жизни которого августовские события 1917 года стали переломными.

Что предшествовало появлению этого документа?

Узник быховской тюрьмы

27 августа 1917 года главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта 45-летний генерал-лейтенант Антон Иванович Деникин набросал пронзительные строки:

«Я солдат и не привык играть в прятки. 16-го июля на совещании с членами Временного правительства я заявил, что целым рядом военных мероприятий оно разрушило, растлило армию и втоптало в грязь наши боевые знамена. Оставление свое на посту главнокомандующего я понял тогда, как сознание Временным правительством своего тяжкого греха перед Родиной и желание исправить содеянное зло. Сегодня получил известие, что генерал Корнилов, предъявивший известные требования, могущие еще спасти страну и армию, смещается с поста главковерха². Видя в этом возвращение власти на путь планомерного разрушения армии и, следовательно, гибели страны, считаю долгом довести до сведения Временного правительства, что по этому пути я с ним не пойду»³.

Телеграмма была адресована министру-председателю Временного правительства Александру Федоровичу Керенскому, а в копиях разослана в Ставку, всем главнокомандующим фронтами и командующим армиями Юго-Западного фронта.

После такой телеграммы обратной дороги не было. Для революционных властей Деникин бесповоротно стал контрреволюционером. Впереди его ждали арест и заключение — сначала в Бердичеве, а затем в белорусском городке Быхове. Именно в быховской тюрьме осенью семнадцатого сплотились те, кто вскоре возглавит борьбу с большевиками на Юге России: генералы Корнилов, Деникин, Марков, Романовский, Лукомский, Эрдели, Эльснер. И здесь же арестанты составили политическую программу будущего Белого движения.

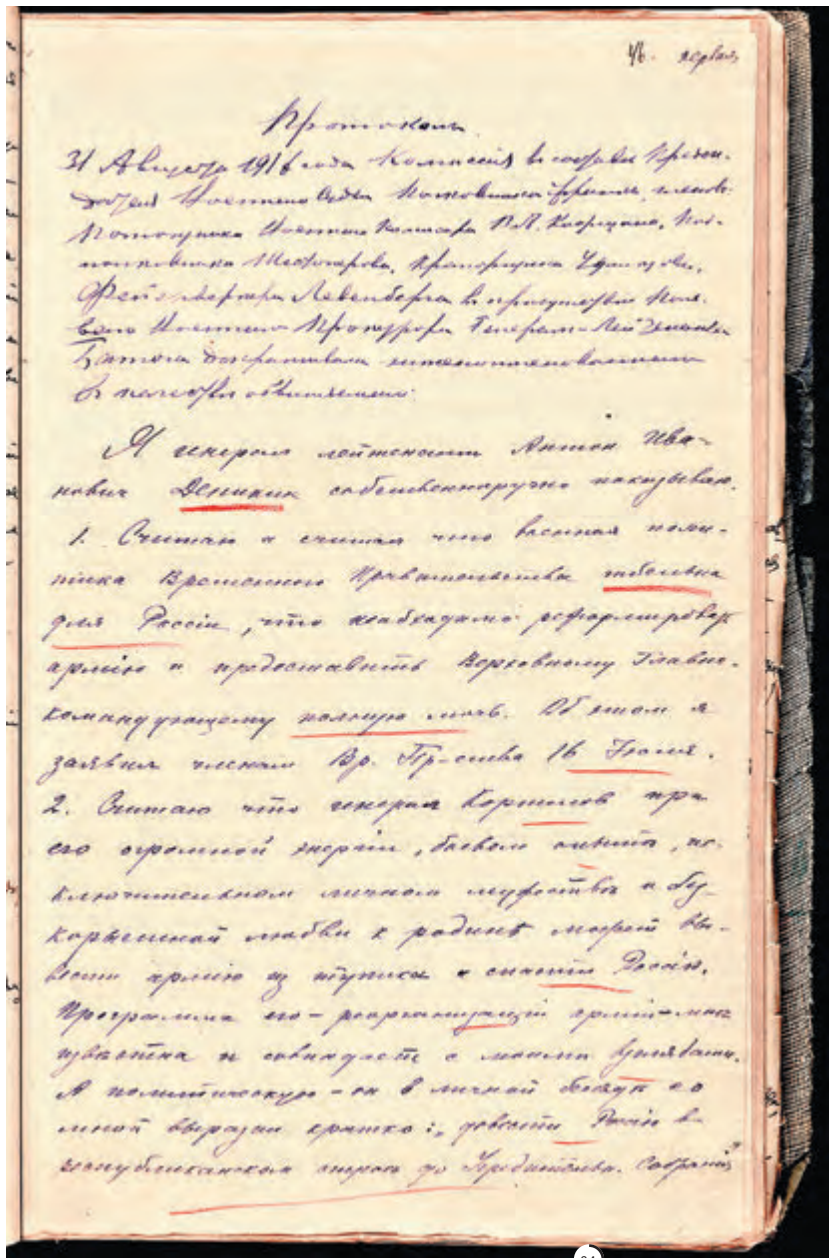
Следствие по делу «контрреволюционеров» не было закончено. После октябрьских событий в Петрограде стало ясно, что пощады сторонникам Корнилова ждать не придется. Тогда следователь Роман Романович фон Раупах составил фальшивое предписание об освобождении арестованных, а исполнявший обязанности Верховного главнокомандующего генерал Николай Николаевич Духонин под свою ответственность освободил быховских узников.

¹ Генерал Антон Иванович Деникин.

Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 17-81-01022 а(ц) «История Гражданской войны в России 1917-1922 гг. в документах офицеров русской армии».

02

04

03

«Вопрос личной охраны меня не интересовал...»

Протокол допроса генерал-лейтенанта А.И. Деникина

31 августа 1917 года комиссия в составе председателя военного судьи полковника Франка, членов: помощника военного комиссара В.А. Костицына⁴, подполковника Шестоперова⁵, прапорщика Удальцова, фейерверкера Левенберга⁶ в присутствии полевого военного прокурора генерал-лейтенанта Батога⁷ допрашивала нижепоименованного в качестве обвиняемого:

Я, генерал-лейтенант Антон Иванович Деникин, собственноручно показываю.

1. Считаю и считал, что военная политика Временного правительства гибельна для России, что необходимо реформировать армию и предоставить Верховному главнокомандующему полную мочь. Об этом я заявил членам Вр[еменного] пр[авительст]ва 16 июля.

2. Считаю, что генерал Корнилов при его огромной энергии, боевом опыте, исключительном личном мужестве и бескорыстной любви к Родине может вывести армию из тупика и спасти Россию.

Программа его — реорганизации армии — мне известна и совпадает с моими взглядами. А политическую — он в личной беседе со мной выразил кратко: «Довести Россию в республиканском строе до Учредительного собрания».

Поэтому все мои симпатии как гражданина и человека были на стороне Корнилова, а не Временного правительства.

<...>

4. Телеграмма Лукомского⁸ была совершенно неожиданна (№ 6412). В ней я увидел крушение надежд

⁰² Следователь полковник Р.Р. фон Раупах.

⁰³ Титульный лист первого тома следственных материалов. Публикуется впервые.

⁰⁴ Показания генерала А.И. Деникина. Публикуется впервые.

на возрождение армии. И как гражданин и солдат хотел от боли крикнуть на всю Россию, что и сделал телеграммой № 145. В чем никогда не раскаюсь. Заключительная фраза «по этому пути с ним я не пойду» ориентировала Временное правительство в том, что убеждений своих я не изменю, и предоставляла ему возможность устранить меня или сделать, что заблагорассудится.

<...>

5. Телеграмму свою № 145 я дал нач[альни]ку штаба для передачи. О посылке им своей телегр[аммы] (о согласии со мной) я знал.

6. Я приказал нач[альни]ку штаба прочесть в собрании офицеров телеграмму Лукомского и мой ответ на нее (№ 145) в ночь на 28-е.

7. Ночью с 27 на 28 мне передали по телефону краткое содержание приказа ген[ерала] Корнилова, что он «путем победы клянется довести страну до Учредительного собрания», приказ я разрешил передать в армии. Как передавать — указаний не давал. Текст приказа прочел утром 28-го.

8. Телеграмму мин[истра]-предс[едателя] № 4163 я получил утром 28-го и приказал передать ее в комиссариат для опубликования⁹.

9. О движении войск на Петроград против Вр[еменного] правительства узнал только из газет. Читал «Киевскую мысль» и «Армейский вестник».

10. Не вдаваясь в частности, отдал общее распоряжение о том, чтобы боеспособность фронта не пострадала, чтобы (армия) армии возможно спокойно пережить кризис правительства и чтобы анархические и демагогические призывы не проникали в войска. В частности, в ночь на 28-е приказал: а) усилить окарауливание штаба и патрулирование города, оживляя беспорядков (общее напряженное состояние, приказ бердич[евской] газетки к Варфоломеевской ночи и т.п.); б) закрыть радиотелеграф (это распоряжение, впрочем, по-видимому, не мое, а Ставки¹⁰), поставить под офицерский контроль телеграфы¹¹; в) ввести цензуру бердичевских газет¹². В частности, предложил комиссариату беседовать по аппарату в присутствии дежурного офицера; это распоряжение относилось решительно ко всем.

° 5

Генерал Л.Г. Корнилов (№ 1 в центре) и его соратники в быховской тюрьме. 1917 год.

СЧИТАЮ И СЧИТАЛ, ЧТО ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ГИБЕЛЬНА ДЛЯ РОССИИ, ЧТО НЕОБХОДИМО РЕФОРМИРОВАТЬ АРМИЮ И ПРЕДОСТАВИТЬ ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ПОЛНУЮ МОЧЬ

11. Вопрос личной охраны меня не интересовал. Слышал часто о ненадежности некоторых штабных команд — просто солдатской дисциплинарной ненадежности, что блестяще подтвердилось арестом главнокомандующего солдатами, не знавшими толком, в чем он виноват. О замене охраны знал. Значения этому не придавал.

12. 1-й Оренб[ургский] полк перевел в Бердичев давно, передав для уездов бывшие здесь две донск[ие] сотни. Исключительно, чтобы иметь под рукой строевую часть на случай беспорядков в городе и районе. Снабюзу¹³ предоставлено было пользоваться оренбуржцами в случае аграрных беспорядков в полосе до одного перехода.

Произвел полку строевой смотр. О политике — ни слова. Тема обращения: дезорганизация армии... нежелание драться... стихийные отступления... Рига¹⁴... Но есть много частей, верных Родине... Почетное место — казачеству... Есть еще порох в пороховницах...

Начальником гарнизона назначил к[оманди]ра 1-го Ор[енбургского] п[ол]ка, как старшего строев[ого] нач[альни]ка. Оказывается, нач[альни]ком гарнизона числился воинский нач[альни]к, но в течение трех недель моего пребывания не являлся, «не зная, что у нас новый главнокоз¹⁵».

13. Опасаясь беспорядков в городе на почве правит[ельственного] кризиса, вызвал было батальон чехословаков, но потом это распоряжение отменил. Никаких решительно вызовов, посылок и передвижений войск в связи с 27 августа не делал.

14. Верил в безболезненную, добровольную реконструкцию правительства. Всем сердцем сочувствую мерам возрождения армии, предложенным Корниловым. А против Вр[еменного] пр[авительств]а, отношение к которому определенно высказал в совещании 16 мая, тем не менее, активно не выступал.

И когда нач[альни]к штаба во время переговоров с чинами комисс[ариата] и комит[ета] 28-го обратился ко мне, я сказал: я свое убеждение высказал, пусть запросят Вр[еменное] пр[авительств]о — пусть оно что хочет, то с нами делает.

<...>

Генерал-лейтенант Деникин.

Военный судья полковник Франк

Пом[ощник] комиссара Ю[го]-З[ападного] фр[онта] Костицын.

Нач[альник] отделения комиссарюза¹⁶ подполк[овник] Шестоперов.

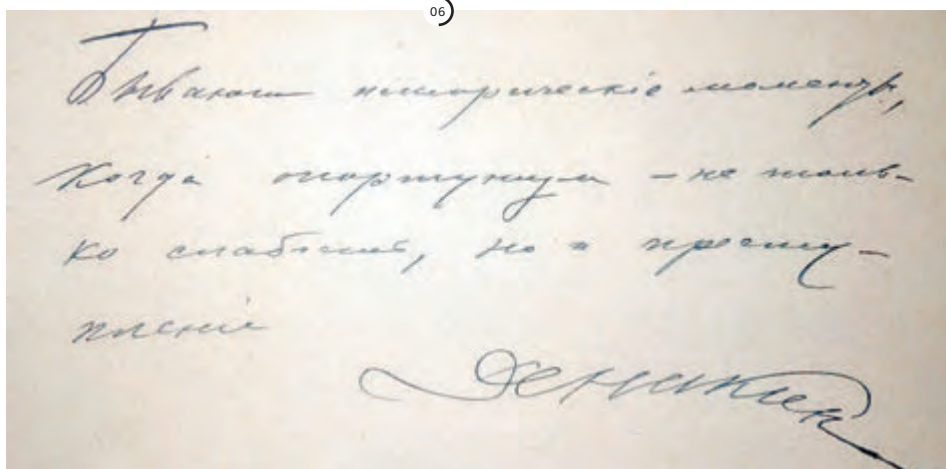
Полевой военный прокурор ген[ерал]-лейт[енант] Батог.

Член исполнит[ельного] к[омитет]а Ю[го]-З[ападного] фр[онта] прап[орщик] Удальцов.

ВАР. R.R. Raupakh collection. Вох 1. Л. 46-50 об. Подлинник. Автограф.

° 6

«Быховский альбом». Запись А.И. Деникина: «Бывают исторические моменты, когда оппортунизм — не только слабость, но и преступление».

Генерала Духонина, освободившего Деникина из тюрьмы, уже на следующий день на могилевском вокзале растерзала солдатская толпа.

Генерал Деникин после освобождения сбрил бороду, запаса поддельным удостоверением и отправился на Дон, где стал одним из создателей, а после гибели Корнилова, главнокомандующим Добровольческой армии.

А следовательно фон Раупах выехал за границу с материалами корниловского «дела», которое мы теперь можем изучить в полном объеме.

¹ Читатели «Родины» уже знакомы с документом из этой коллекции: Ганин А.В. «Всея душой не желаю моей Родине возвращения кошмарного старого...» Неизвестное письмо генерала С.Л. Маркова министру-председателю Временного правительства А.Ф. Керенскому // Родина. 2016. № 12. С. 107–109.

² Верховного главнокомандующего.

³ РГВИА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 30. Ч. 1. Л. 13–13 об.; Дело генерала Л.Г. Корнилова. М., 2003. Т. 2. С. 500.

⁴ Костицын Владимир Александрович (1883–1963) — социал-демократ, астрофизик, помощник военного комиссара Юго-Западного фронта, руководил отправкой бердичевской группы арестованных в Быхов.

⁵ Шестоперов — подполковник, заведующий юридической

частью комиссариата Юго-Западного фронта.

⁶ Левенберг Эдуард Александрович (1886/1888 — не ранее 1956) — фейерверкер, эсер, член исполнительного комитета Юго-Западного фронта.

⁷ Батог Сергей Александрович (1863–?) — генерал-лейтенант, военно-полевой прокурор, заведующий военно-судной частью Юго-

Западного фронта.

⁸ Лукомский Александр Сергеевич (1868–1939) — генерал-лейтенант, начальник штаба Верховного главнокомандующего.

⁹ На полях карандашный комментарий не установленного лица: Где она?

¹⁰ Текст в скобках вписан позднее.

¹¹ Чтобы ни одна важная военно-политическая телеграмма

не прошла без моего ведома (прим. А.И. Деникина).

¹² На полях карандашом поставлена нумерация: 1, 2, 3.

¹³ Управление снабжений Юго-Западного фронта.

¹⁴ Речь идет о сдаче немцам Риги 21 августа (3 сентября) 1917 г.

¹⁵ Главнокомандующий армией Юго-Западного фронта.

¹⁶ Комиссариата Юго-Западного фронта.